

Политическое как коммуникация*

MERL ST. POLITISCHE KOMMUNIKATION IN DER DIKTATUR: DEUTSCHLAND UND DIE SOWJETUNION IM VERGLEICH. GÖTTINGEN: WALLSTEIN, 2012. 184 S. (DAS POLITISCHE ALS KOMMUNIKATION, 9). ISBN: 978-3-8353-1153-4.

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Профессор Билефельдского университета Штефан Мерль — известный исследователь советской аграрной политики и «сталинского» крестьянства. Им написаны образцовые работы по истории НЭПа, коллективизации и формирования колхозной системы в СССР¹, а также по социальной истории сельского актива в 1930-е годы². Помимо собственных исследований он также известен как публикатор архивных документов, в частности, по аграрной истории «военного коммунизма» и НЭПа³. В последнее время он стал обращаться к темам, связанным с политическим измерением сталинизма⁴.

В своей последней книге «Политическая коммуникация при диктатуре. Германия и Советский Союз в сравнении» Ш. Мерль также предстает как исследователь политической и социальной истории и даже как историк тоталитарной повседневности. В ней он осуществил сравнительный анализ русского и немецкого опытов на двух временных уровнях: нацизм сопоставляется со сталинизмом, а ГДР — с СССР после смерти Сталина. Целью его исследования на сей раз стала способ-

© Кильдюшов О. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

* Работа написана в рамках исследовательского проекта «Спонтанные и навязанные порядки социальной жизни: модусы взаимодействия и трансформаций», реализуемого в Центре фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ в 2014 году.

1. *Merl St.* (1981). Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik: Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925–1928. München, Wien: Oldenbourg; *Merl St.* (1985). Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion: Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im sowjetischen Dorf (1928–1930), Wiesbaden: Harrassowitz; *Merl St.* (1990). Bauern unter Stalin: Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941. Berlin: Duncker & Humblot.

2. *Merl St.* (1990). Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre: Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute. Berlin: Duncker & Humblot.

3. *Merl St.* (1993). Sowjetmacht und Bauern: Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des «Kriegskommunismus» und der Neuen Ökonomischen Politik. Berlin: Duncker & Humblot.

4. *Merl St.* (2011). Elections in the Soviet Union, 1937–1989: a view into a paternalistic world from below // Voting for Hitler and Stalin: elections under 20th century dictatorships / Ed. R. Jessen, H. Richter. Frankfurt am Main: Campus. S. 276–308; *Merl St.* (2011). Das flache Land und die Ursachen des Terrors // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 59. № 3. S. 412–415.

ность трех названных диктатур вызывать у населения одобрение своей политики или, по крайней мере, молчаливое согласие с ней посредством создания коллективной идентичности.

Работа вызвала большой интерес как в сообществе специалистов по истории нацистской и советской диктатур, так и среди широкой научной общественности, свидетельством чего является выход множества положительных рецензий. В своей книге Мерль выступает против поверхностного взгляда на идеократические диктатуры XX века, редуцирующего феномен «тоталитаризма» к его репрессивным элементам. Цель, которую исследователь ставит здесь перед собой, — более адекватно реконструировать политическую технику сталинского и гитлеровского режимов, и прежде всего их коммуникативное измерение, являвшееся важнейшим элементом технологии насильственного господства. Он дистанцируется от подходов, с одной стороны, подчеркивающих роль насилия, а с другой — пытающихся обнаружить повсюду несогласие и сопротивление: «Разве способствует пониманию диктатур попытка интерпретировать их в первую очередь как применение насилия в отношении в принципе свободолюбивого населения? Ведь если диктатуры существовали долгое время, несмотря на недостатки в их организации, это значит, что они явно умели интегрировать население» (S. 7).

При этом он вовсе не отрицает значимость насилия для сохранения диктаторских режимов, а скорее пытается выявить причины их поразительной стабильности. Таким образом, фокус его исследовательского интереса направлен прежде всего на варианты приспособления диктатур к меняющимся условиям уже после фазы насильственного захвата власти, с целью объяснить их функционирование «по ту сторону их саморепрезентации» (S. 10).

Отсюда вытекает задача сравнительного исследования политически релевантных механизмов, позволявших стабилизировать отношения господства и подчинения в рамках советской и нацистской диктатур, политический репертуар которых отнюдь не ограничивался исключительно террором и репрессиями в отношении пассивного населения. Речь скорее идет о выявлении коммуникативных стратегий, позволявших этим режимам транслировать определенные ценности с целью создания стабильных коллективных идентичностей. Именно эти широко разделяемые смыслы, в свою очередь, позволяли господствующим группам рассчитывать на активную поддержку или, по крайней мере, на молчаливое принятие их политики со стороны большинства.

Данная исследовательская программа делает работу Штефана Мерля интересной не только для политической истории XX века, но и для социальной теории модерна вообще — например, для исторической социологии власти. Ведь помимо коммуникативных стратегий собственно «тоталитарных» режимов России и Германии, она вскрывает для нас коммуникативное измерение политического в целом.

Согласно классическому определению Макса Вебера, любое господство зависит от вероятности (шанса) фактического признания со стороны социальных акторов:

определяющей для любой власти является готовность самих управляемых и угнетаемых признавать «свою» власть в качестве легитимной. В этом смысле можно считать парадоксом то обстоятельство, что, приняв данное веберовское положение за основу теории социального порядка, социология власти поразительно мало интересовалась тем, как фактически производится эта легитимность господства.

Исследование профессора Мерля демонстрирует на конкретно-историческом материале диктатур XX века то, каким образом сами диктаторские режимы активно участвуют в производстве этой легитимности — в данном случае через создание в «промышленных масштабах» носителей политической лояльности — прежде всего с помощью политической коммуникации, а не только с помощью насилия или угрозы его применения. Здесь можно также вспомнить слова Талейрана о том, что с помощью штыков можно захватить власть, но на штыках невозможно усидеть...

Таким образом, широко распространенные описания тоталитарных режимов как сугубо террористических не учитывают этот политико-коммуникативный момент, принципиально важный для долговременного поддержания господства. Поэтому здесь могут быть эвристически полезны концепты «консенсусной» (Д. Пойкерт) или «партиципаторной» диктатур (М. Фулброк), которые представляются гораздо более адекватными социальной феноменологии нацистского и советского режима, поскольку подчеркивают момент интеграции населения в техники господства. Однако, как справедливо указывает Мерль, нужно четко понимать границы этого «участия», а также то, что из него принудительно исключались большие группы населения. Это обстоятельство еще больше усложняет задачу, которую исследователь поставил перед собой в этой книге: «В первую очередь необходимо прояснить, каким образом диктатурам удавалось создавать ситуацию, при которой подавляющее большинство населения, по крайней мере, не замечало преследования своих сограждан или даже активно участвовало в нем, одновременно смирившись с фактом угрозы для самих себя» (S. 8).

Ответ Мерля однозначен: это достигалось посредством специфических стратегий политической коммуникации правителей с населением. Однако при исследовании политико-коммуникативных стратегий диктатур неизбежно возникает более концептуальный вопрос, связанный с самим понятием политического. Автор обоснованно озадачивается тем, не должно ли политическое применительно к диктатурам определяться иначе, чем применительно к плюралистическим демократическим системам? Более того, он говорит о необходимости проводить различие между двумя понятиями политического. Прежде всего «политической» является коммуникация, которая способствует стабилизации диктаторского режима. Далее, с учетом длительного существования диктатур он обращает внимание на приспособляемость их политической системы, на их способность постоянно сдвигать границы дозволенного (S. 12–13).

Формулируя исходную проблему своего исследования, автор ставит вопрос, являлось ли «политическое» предметом торга между режимом и его подданными.

Для ответа на него Мерль считает необходимым ввести специальное понятие политического, определяемое по ряду критериев. Во-первых, наблюдаемая при диктатурах коммуникация может рассматриваться в качестве политической лишь в том случае, если она направлена на широкие массы и носит обязательный (нормативный) характер для ее участников. Этот критерий, несомненно, выполняется в том случае, если коммуникация явным образом способствовала сохранению диктатуры. Второй необходимый критерий — чтобы коммуникация охватывала надындивидуальные структуры, т.е. создавала коллективную идентичность на уровне всеобщего единства («народного сообщества» или «советского народа»). Третий критерий связан с объемом того, что (не) могло быть предметом обсуждения при диктатурах: например, правила совместной жизни, властные отношения и границы допустимого (S. 13).

С этим Мерль напрямую связывает вопросы «фамилизации» политического и, напротив, политизации приватного при диктатурах. Ведь если собственно «политические» темы изымаются из общественной коммуникации, то все остальные сферы становятся «деполитизированными», и именно поэтому могли являться предметом тематизации при диктатурах. Именно в этом, на его взгляд, заключается основополагающее отличие диктатуры: правила совместной жизни и отношения господства и подчинения исключаются из процесса политической коммуникации и заменяются предметами, не представляющими с точки зрения диктатуры никакого политического значения (S. 13–14).

В качестве возражения здесь уместно вспомнить известное высказывание Карла Шмитта, говорившего о том, что у политического нет своей собственной предметной области и что любая сфера может быть захвачена политикой, как только в ней начинается борьба за господство, как только происходит фундаментальное разделение на друга и врага. И в этом смысле история сталинизма является отличным подтверждением шмиттовского тезиса: предметом политической борьбы при И. Сталине могло стать все что угодно — начиная с вопросов языкознания и заканчивая генетикой...

Примечательно, что понятие «диктатура» используется автором не применительно к политической системе, а к коммуникативной структуре диктаторских режимов. Именно постановка вопроса о политическом как коммуникации придает исследуемой проблематике (более) широкую социально-теоретическую релевантность, поскольку она выходит за рамки конкретно-исторического материала диктатур XX века и затрагивает ключевую с точки зрения социологии власти топикку. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить об огромных усилиях в области политической коммуникации с населением, прилагаемых ныне существующими режимами господства различных типов — от самых авторитарных с их кондовой пропагандой до самых либеральных («теледемократия»).

Особо удачной в книге является глава, посвященная анализу политической функции обращений граждан к правителю. В ней Штефан Мерль убедительно показывает парадоксальный характер этого канала связи: «Письма (обращения)

стабилизировали господство, поскольку возлагали вину за соответствующие недостатки на конкретное лицо. Тем самым они поддерживали иллюзию, что правитель наказывает неспособных функционеров. Таким образом, с точки зрения политической коммуникации речь в первую очередь идет не о предмете жалобы, а стабилизирующем систему поиске виновных. Тем самым письма полностью снимают с диктатора ответственность за недостатки и игнорируют то, что критикуемые недостатки сохраняются, несмотря на снятие с должности найденного козла отпущения. Это игнорирование позволяет диктатору использовать даже недостатки для стабилизации своих притязаний на господство. <...> Это убедительно показывает, что эта коммуникативная стратегия срабатывала» (S. 91-92).

В рамках патернализма, свойственного всем диктатурам, гневное — и часто абсолютно искреннее — возмущение отдельными недостатками системы по формуле «если бы вождь знал» не только представляло собой важнейший языковой ритуал для данного типа господства, но и сознательно стимулировалось самим режимом. При этом многие люди наивно разделяли иллюзию, искусственно поддерживаемую в процессе политической коммуникации правителя и подданных, что не только они, но и сам вождь является жертвой дезинформации со стороны лиц, стоящих между ним и народом («плохие бояре»). Стоит ли говорить, что это делало прямое обращение к нему тем более необходимым. Тем самым поддерживался постоянный коммуникативный поток между правителем и гражданами, наглядно демонстрировавший их единство в борьбе с реальными или мнимыми врагами. Говоря о конкретных цифрах, Мерль пишет о том, что во всех рассматриваемых им диктатурах ежегодно примерно два процента населения обращались с письмами к верховному правителю и другим функционерам (S. 87).

Стоит ли говорить, что каждый, кто непосредственно обращался к вождю, тем самым легитимировал его притязания на власть в веберовском смысле признания господства со стороны самих подданных. Помимо этого, данная коммуникативная техника позволяла правителю осуществлять более эффективный контроль над функционерами, находившимися между жерновами всевластия суверена и массового народного недовольства.

Не меньший эвристический интерес представляют размышления Штефана Мерля о «коррумпирующих практиках». На его взгляд, постоянное нарушение официальных норм является базовой предпосылкой дееспособности всякой диктатуры, поскольку каждый житель диктаторского государства прекрасно понимал, что для выживания следует выполнять не столько формальные, сколько неписанные правила: «Реально действовавшие нормы не были нигде зафиксированы. Для диктатуры было важно, чтобы население не знало точно, что разрешено, а что запрещено. Именно поэтому эти нормы не были предметом обсуждения» (S. 101–102). Это означало, что каждый человек был вынужден заключать с режимом свой личный «фаустовский пакт» (Э. Джонсон). Это было рациональным решением, поскольку в условиях постоянной угрозы применения репрессивных мер со стороны государства, для обеспечения собственной безопасности было достаточно

публично выражать ему свою лояльность. Взамен диктатуры проявляли большую терпимость в отношении нарушений писанных норм и даже критики, если только это не касалось собственно «политических» вопросов и идеологических основ коллективной идентичности.

В этом смысле судьба СССР, а затем и ГДР была предрешена тем, что с середины 1980-х годов постоянно сокращались возможности государственного контроля над публичной коммуникацией. Более того, М. Горбачев только усугубил эту ситуацию, когда призвал население публично обсуждать пути построения социализма и уже допущенные ошибки на пути к нему. «Вместо того чтобы жестко контролировать общественную коммуникацию, он отменил цензуру прессы и разрешил СМИ самим определять, на какие темы им говорить. Вместо того чтобы ограничить общественный дискурс „неполитическими“ темами, отныне было разрешено обсуждать правила совместной жизни и властные отношения, то есть само ядро „политического“. Впервые с начала 1930-х годов вновь произошла политизации тем, исходивших теперь от населения и от уже неконтролируемых СМИ» (S. 145–146).

Тем самым Горбачев, вероятно не осознавая этого, отменил важнейшую политическую функцию режима: если ранее стабильность диктатуры зависела от управления общественной коммуникацией по вертикали, то отныне началось расширение горизонтального обмена информацией между гражданами. В результате этого процесса «население утратило веру в справедливого правителя и доверие к правлению Коммунистической партии» (S. 150).

При этом, как показывает Мерль, для сохранения диктатуры было достаточно эффективно обращаться не столько с реальным, сколько с псевдоучастием подданных в практиках господства: определяющим было впечатление, что население задействовано в принятии политических решений, даже если это происходило исключительно в форме одобрения того, что принято режимом: «И сталинизм, и национал-социализм придавали большое значение практикам публичных собраний» (S. 138–139).

Как неоднократно подчеркивает Штефан Мерль, несмотря на ограниченный характер коммуникативного пространства при диктатурах, условием их долгосрочного существования являлся постоянный коммуникативный процесс господствующей группы со своими подданными. При этом «коммуникативная стратегия диктатуры, как правило, не требует от каждого индивида доказывать свою идеологическую верность. Для интеграции было достаточно не оказывать диктатору сопротивления, постоянно подтверждая свою лояльность участием в ритуалах» (S. 168).

Развивая тезис Ханса Моммзена о Гитлере как «слабом диктаторе», Мерль рассматривает подобную «слабость» диктатур с точки зрения теории систем как выполняющую стабилизирующую функцию для режимов, поскольку население не должно было выполнять все требования, вытекавшие из официальных идеологических положений. Таким образом, даже неэффективность системы господства не

была основанием для ее краха, поскольку применяемые коммуникативные техники позволяли компенсировать ее недостатки на протяжении продолжительного периода времени. Стабильность системы обеспечивалась прежде всего посредством недопущения политизации процессов коммуникации, что позволяло режимам сохранять коллективную идентичность от размывания в ходе общественной тематизации. При этом для предотвращения подобной проблематизации было достаточно обеспечить участие населения в установленных политических ритуалах: от него не требовалось содержательно разделять официальные убеждения, а было достаточно формального участия в нормативных практиках (например, собраниях). Советский опыт показал, что как только режиму больше не удастся добиваться этого, конец диктатуры стал неизбежен (S. 163–164)...

Конечно, книга Мерля — далеко не первая работа, в которой исследуется проблема создания и поддержания диктатурами коллективных идентичностей посредством политико-коммуникативных стратегий. Тем не менее следует признать, что автору теоретически изящно и на конкретном историческом материале удалось показать верность главного тезиса, релевантного не только для политической истории XX века, но и для исторической социологии власти: стабильное сохранение отношений господства и подчинения невозможно без установления эффективной политической коммуникации между правителями и их подданными. Именно подобные каналы трансляции смыслов и ценностей являются определяющими для функционирования режимов диктаторского типа.

Во время своего выступления на презентации рецензируемой здесь книги в Центре аграрных исследований РАНХиГС в ноябре 2014 года профессор Мерль рассказал о тревожной тенденции в новейшей западной историографии сталинизма, связанной с отказом от последних содержательных и методологических достижений исследователей советского исторического опыта. В качестве яркого примера подобного тренда назвал последние работы Йорга Баберовски⁵, в которых вопреки нынешнему уровню научных знаний о диктатурах XX века предпринимается попытка объяснить катастрофический масштаб жертв советской модернизации исключительно особенностью личности И. Сталина, этого «человека насилия».

Штефан Мерль в своей разгромной рецензии на одну из книг Й. Баберовски убедительно показал⁶, что даже история насильственного режима невозможна без учета перспективы тех, кто ему подчиняется, что вновь возвращает нас к рамочному веберовскому вопросу об условиях стабильности всякого политического господства и его зависимости от веры в его «легитимность»...

В противовес тенденциям к персонализации структурных проблем и общему упрощению взгляда на столь сложный предмет, как современная диктатура вождистского типа, книга Штефана Мерля выявляет коммуникативные механизмы,

5. *Baberowski J.* (2012). *Verbrannte Erde: Stalins Herrschaft der Gewalt*. München: Beck.

6. *Merl St.* (2012). *Trägt Baberowski's Gewaltansatz zum Verständnis der Herrschaft Stalins bei?: Anmerkungen zu «Verbrannte Erde: Stalins Herrschaft der Gewalt» // Neue politische Literatur*. Bd. 57. № 2. S. 215–232.

позволяющие диктаторским режимам долгое время успешно сохраняться, не обращаясь постоянно непосредственно к физическому насилию и иным репрессиям. Подобное расширение эвристического горизонта интерпретации способов функционирования диктатур может представлять ценный опыт не только для реконструкции нашего недавнего прошлого, но и для понимания модусов существования современного общества в условиях навязанного социального порядка.

Political as Communication

Oleg Kildyushov

Researcher, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Review: *Politische Kommunikation in der Diktatur: Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich* (Göttingen: Wallstein, 2012) by Stephan Merl (in German)